

2. Кучко, Е.Е. «Жизненный цикл» инновационного процесса: этапы и особенности реализации // Методология социологических исследований. – 2009. – № 3. – С. 73–76.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Мякчило С. А. (Минск, Беларусь)

Государства, вовлеченные в системный процесс глобализации и конвергентного развития, сталкиваются с необходимостью реализации адаптивно-преобразовательной стратегии, далеко выходящей за рамки частных социально-экономических реформ. Отражая этот факт, современная социально-гуманитарная мысль сделала одной из своих тематических доминант идею модернизации. Сегодня она все чаще рассматривается не как отдельно взятый этап индустриальных преобразований, а в качестве универсально-исторического процесса, модели системного прогрессивного переустройства социума в целом (П. Штомпка), своего рода «моста из отсталости в современность» (по известному определению С. Хантингтона), процесса цивилизационного масштаба. Именно в таком ее понимании, когда речь заходит о социальных импликациях политики модернизации, не сводимой к обновлению производственных мощностей, выявляется многоуровневое противоречие между идеологией модернизации либерального типа, установками анти- и альтерглобалистского политического мышления, социально-организационной культурой и духовными традициями национальных сообществ. Отголоски таких противоречий слышны, в частности, в дискуссии о возможности «консервативной модернизации» в России, о путях развития белорусского общества.

Это делает актуальной задачу критического анализа модернизации как социально-экономической теории, методологии общественного управления и формы социальной практики, включая ее отражение в культуре, мировоззрении, ценностях людей и больших социальных групп. Прикладное значение такого анализа будет тем выше, чем больше в нем будет задействовано подходов, связанных с различными программами социально-экономического, социоинженерного, социокогнитивного и «традиционного» гуманитарно-философского познания. Здесь, прежде всего, выделяются работы, закладывающие понимание модернизации как одного из стержневых компонентов цивилизационной динамики. Данная традиция связана с именами М. Липмана, П. Штомпки, С. Хантингтона. В настоящее время ее выразителем является, прежде всего, школа Р. Инглхарта. В ее оптике

---

* Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, грант № Г16КАО/А-006.

модернизация предстает как социальный тренд современности, связанный как с постиндустриальным преобразованием экономики, так и со становлением культурной матрицы постмодерна: исследуется синтез процессов модернизации и «постмодернизации», прежде всего, в транзитивных обществах (см.: [1; 2]). С именем У. Бека [3; 4] и его коллег связано углубление анализа социальных эффектов модернизации, прямой и обратной связи между социально-экономическими преобразованиями и политическим сознанием, духовной культурой общества в парадигме «рефлексивной модернизации».

Отдельного рассмотрения заслужила специфика модернизации постсоветского общества и связанные с нею политические, социальные, экономические риски (см.: [5; 6]). Обширная работа проведена по выявлению потенциала модернизации для устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь (см.: [7; 8]). Беларусь как государство, находящееся на пограничье разных типов политической культуры, на пересечении нескольких линий духовно-культурной преемственности, нуждается в нередукционистской программе модернизации. Такая программа должна, во-первых, отражать сложность, многокомпонентность общественно-экономической жизни Беларуси, своеобразие исторического пути нации; во-вторых, четко понимать и учитывать социальные и антропологические (когнитивные, психологические, ценностные и др.) эффекты мероприятий модернизации; в-третьих, объединять на системной основе философского знания подходы к модернизации, связанные с экономико-технологической рациональностью, социальной целесообразностью, нравственно-культурной легитимацией.

В этой связи внимание исследователей привлекает плодотворный опыт модернизации китайской экономики и общества во II половине XX – начале XXI столетия, его отличительные черты, связанные с ограничением «вестернизации», переходом на новый уровень национально-культурной идентичности в новых социотехнологических условиях, реализации принципа «мягкой силы» в политике [9; 10]. Обобщением этой практики призвана выступить стратегия национально-ориентированной модернизации, в основных чертах соответствующей доктрине «пекинского консенсуса» (Дж. К. Рамо). Она описывает модель общественного устройства, отличающуюся такими чертами как эволюционность, отсутствие масштабных социальных, экономических, культурных стрессов; реализм в постановке целей (глобальное развитие как системный эффект успешного развития наций и региональных объединений, а не наоборот); ставка на приумножение человеческого капитала как основного богатства страны; свобода от диктата установок негативной глобализации («модернизация без вестернизации»); становление гражданско-политической культуры, основанной на идеях социальной гармонии, справедливости; стимулирование инициативы, поддержка креативных сил общества; опора на совокупность человекоориентированных механизмов управления, технологических, коммуникативных, культурных новаций; преодоление социальной

разобщенности, отчуждения, конфликта интересов; самоподдерживаемое («устойчивое») развитие.

Важную роль в уточнении и совершенствовании этой стратегии призвана сыграть эвристика методологических подходов, складывающихся в рамках социально-критической парадигмы в философии и социальном познании XX–XXI века. Эта парадигма является на сегодняшний день важнейшим инструментом изучения явных и диагностирования скрытых дисбалансов развития общества, экономики и культуры. Ее ядром служит современная марксистская философия, находящаяся в преемственности, но отнюдь не сводимая к теоретическим установкам классиков марксизма XIX – начала XX вв. За последние десятилетия она претерпела ряд обновлений, обогатилась подходами неомарксизма и постмарксизма, социально-критическими установками структуралистской философии и психоанализа, а также вкладом региональных и национальных школ (восточноевропейской, российской, китайской, латиноамериканской).

Благодаря этому сегодня марксизм выступает как система эвристичных аналитико-прогностических методов, адекватных современному уровню политической культуры, социальных, социоприродных и социотехнологических отношений в странах Востока и Запада. В частности, методология социально-критической программы ориентирует на понимание таких феноменов, как изменение природы и организации труда в обществе, основанном на знаниях, формирование новых форм трудовой, гражданской, политической солидарности на этой основе; эволюция понимания собственности и ее морально-правового обеспечения с акцентом на нематериальную (интеллектуальную) собственность; новые (сетевые) модели социальной активности; изменение ценностно-эмоциональной структуры сознания человека; идеология потребительства и «антипотребительства»; политические, экономические социально-антропологические эффекты «позитивной» и «негативной» глобализации и др.

Потенциал социально-критической философии актуализируется в контексте новых вызовов, с которыми сталкивается общество в процессе перехода к постиндустриальному укладу. Это проблемы расслоения общества, которое отягощается феноменом знаниевого и «цифрового» неравенства; социальные, коммуникативные, психологические, ценностно-мировоззренческие барьеры между людьми и сообществами; потребительское отношение к природе и социуму; отчуждение и социальное одиночество; идеология экономикоцентризма и технопрагматизма. По сути, все они могут рассматриваться как признаки несбалансированного общественного развития, которое и должно быть преодолено средствами методологически цельной и ценностно обеспеченной политики модернизации, необходимой обществам и странам, ставящим перед собой задачи регионального лидерства и глобальной конкурентоспособности. Помимо очевидного эффекта в сфере государственного строительства, реализация такой политики может выступить основой масштабных мероприятий региональной интеграции, таких как Евразийский

экономический союз, а также инициатива Экономического пояса Шелкового пути.

Литература и источники

1. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies / Ronald Inglehart. – Princeton University Press, 1997.
2. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / Ronald Inglehart and Christian Welzel. – Cambridge University Press, 2005.
3. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Beck, U. The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme / Ulrich Beck, Wolfgang Bonss, Christoph Lau // Theory, Culture & Society. – 2003. – № 20. – P. 1–33.
5. Гавров, С.Н. «Модернизация России: постимперский транзит» / предисл. Л.С. Перепелкин. – University of Nebraska – Lincoln, 2009.
6. Dutkiewicz, P. Democracy versus Modernization. A Dilemma for Russia and for the World / P. Dutkiewicz, V. Inozemtsev. – London/New York: Routledge, 2012.
7. Ковалев, М.М. Экономическая модернизация как строительство экономики знаний / М.М. Ковалев, С.И. Пасеко, Лю Цзэпин // Вестник БГУ. Серия 3. – 2011. – № 3. – С. 102–107.
8. Соколова, Г.Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь – Россия // Социологические исследования. – 2012. – № 5. – С. 4–19.
9. Буров, В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. – 2007. – №5.
10. Просеков, С.А. Социально-философский анализ модернизации современного Китая в условиях глобализации. – М.: Финакадемия, 2009.

ІНТЭГРАЦЫЯ БЕЖАНЦА Ў ГРАМАДСТВЕ Ў КАНТЭКСЦЕ РАЗВІЦЦА МІГРАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ

Нашчынец К. М. (Минск, Беларусь)

Сёння, падчас развіцця Еўрапейскага міграцыйнага крызісу (узнік у выніку шматразовага павелічэння патоку бежанцаў і нелегальных мігрантаў з краін Паўночнай Афрыкі, Блізкага Усходу, Паўднёвай Азіі і негатаўнасцю ЕС да іх прыёму і размеркавання. За 2015 г. у ЕС прыбыла каля 1,8 млн. мігрантаў. Цяперашні міграцыйны крызіс – найбуйнейшы з часоў Другой сусветнай вайны. Яго асноўнымі прычынамі сталі грамадзянская вайна ў Сірыі, пашырэнне тэрыторый, што знаходзяцца пад кантролем Ісламскай дзяржавы, грамадзянская вайна ў Лівіі, адкрыццё бежанцамі больш бяспечнага маршруту праз Міжземнае мора, Грэцыю і Македонію, замест старога праз Міжземнае мора, Лівію і Італію), вырашэнне праблем інтэграцыі мігрантаў з’яўляецца як ніколі важным і абумоўлівае неабходнасць аналізу эфектыўнасці шляхоў інтэграцыі бежанца ў грамадстве.

Тэрмін «інтэграцыя» быў уведзены Гербертам Спэнсэрам, англійскім